

Внешняя периферийная дипломатия Китая в новую эпоху

Юй Юэ¹

Институт Китая и современной Азии Российской академии наук (Россия)

Аннотация

В статье проводится всесторонний анализ современной периферийной дипломатии Китая «в новую эпоху», когда центральным руководящим принципом становится построение «сообщества единой судьбы» и концепция периферийной дипломатии «цинь, чэн, хуэй, жун» («доброжелательность, искренность, взаимная выгода и инклюзивность»). Методология исследования основывается на комплексном рассмотрении историко-культурных традиций Китая, анализе официальных речей, документов, а также конкретных практик сотрудничества в рамках периферийной дипломатии. Особое внимание уделяется концепции «цинь, чэн, хуэй, жун», которая отражает традиционные ценности Китая: доверие, гармонию, уважение к соседям. В результате рассмотрения выявлено, что китайская периферийная дипломатия опирается на глубокое понимание значимости добрососедства, стремится к укреплению стратегического доверия, развитию взаимовыгодных экономических проектов, а также к обеспечению инклюзивного сотрудничества. Китай подчеркивает, что стабильность и процветание всего региона невозможны без гармоничных отношений с соседями, содействуя интеграции и коллективному развитию. В заключение делается вывод, что концепция «сообщества единой судьбы» стала фундаментом периферийной дипломатии Китая и обеспечивает устойчивое, справедливое и мирное развитие его окружения.

Ключевые слова

периферийная дипломатия, сообщество единой судьбы человечества, сообщество единой судьбы сопредельных стран, инициатива «Пояс и путь», концепция «добрососедства, искренности, взаимной выгоды и инклюзивности»

Для цитирования

Юй Юэ (2025). Внешняя периферийная дипломатия Китая в новую эпоху. *Управление и политика*. 3(4). С. 29–46. DOI: 10.24833/2782-7062-2025-4-3-29-46

Конфликт интересов

автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов

¹ Юй Юэ – аспирант, Институт Китая и современной Азии Российской академии наук. 117218, Россия, Москва, Нахимовский просп., 32.
E-mail: luna.yu9988@gmail.com

Западная геополитическая теория

Анализ западных теорий геополитики перед изучением китайской теории периферийной дипломатии необходим, поскольку представляет собой как критическое осмысление доминирующего дискурса современных международных отношений, так и основу для формирования сравнительной исследовательской парадигмы. Сформированные на Западе с XIX века теории морского могущества, «Хартленда» и другие геополитические концепции не только создали парадигму восприятия международных отношений в связке с конкуренцией за власть в центре, но и обслуживали стратегии великодержавной гегемонии. Их концептуальные инструменты, такие как «сфера влияния» или «буферная зона», до сих пор глубоко влияют на интерпретацию периферийных отношений. Только деконструировав эти теоретические предпосылки, можно выявить принципиальный разрыв логики «общества единой судьбы человечества» и политики «добрососедства, искренности, взаимной выгоды и инклюзивности» Китая с игрой с нулевой суммой, избегая упрощенных аналогий между китайскими инициативами взаимосвязанности с планом Маршалла или неокOLONIALИЗМом. Одновременно такой теоретический диалог помогает выявить геополитические корни западной теории «китайской угрозы», тем самым разрушая западный центризм в производстве знаний и создавая равное дискурсивное пространство для незападных теорий международных отношений. Лишь полностью поняв, как теории «Хартленда» Маккиндера или «наступательного реализма» Миршаймера инструментализируют географические факторы, можно точно продемонстрировать инновационную ценность китайской периферийной дипломатии, кото-

рая заменяет сферы влияния совместным развитием, а военное сдерживание – кооперативной безопасностью.

После XVI века европейские политические мыслители, такие как Жан Боден и Монтескье, начали систематически анализировать взаимосвязь географических факторов и политики, обсуждая влияние природной среды на политические институты, национальный характер и моральный дух народа. Шведский политический географ Рудольф Челлен в 1899 г. впервые ввел термин «геополитика», определив ее как теорию, рассматривающую государство в качестве географического организма или пространственного феномена. В рамках развития классических геополитических теорий последовательно сформировались концепции: «теория морского могущества» (Х. Махан), «теория государства-организма» (Ф. Ратцель), «теория Хартленда» (Х. Маккиндер) и «теория Римленда» (Н. Спайкмен). Эти теории систематизировали исследования в области геополитики, обобщив их в рамках изучения противостояния морского и сухопутного могущества.

В 1890 г. Альфред Тайер Мэхан, изучив процесс становления морского господства Великобритании (1660-1783) написал книгу «Влияние морской силы на историю», где изложил теорию морского могущества. Основной тезис гласил: Морская мощь оказывает колоссальное, подчас решающее влияние на ход истории и процветание государств, играя ключевую роль как в военное, так и в мирное время, причем морское превосходство обладает бесспорной ценностью в международной политике. Ключом к обретению морской мощи является контроль над стратегическими проливами и морскими путями для достижения господства на море (Mahan, 1890). Эта теория долгое время считалась истиной среди западных

держав, а морская политика США в определенной степени подтвердила справедливость положений геополитической теории².

В 1904 году Хэлфорд Маккиндер предложил теорию сухопутного могущества в противовес морской теории Альфреда Мэхэна. Он определил степные просторы Центральной Евразии (от Восточной Европы до Средней Азии) как «Хартленд» (срединная земля), подчеркивая, что географические особенности этого региона обеспечивают стратегическую мобильность контролирующей его державы. Его знаменитая максима гласит: тот, кто контролирует Хартленд, контролирует Мировой Остров (Евразию и Африку); тот, кто контролирует Мировой Остров, контролирует весь мир. В своем основополагающем труде «Географическая ось истории» Маккиндер выразил глубокую озабоченность положением Британии в мире (Mackinder, 1904). Он утверждал, что современные железнодорожные системы дают «странам-осям» (т.е. державам Хартленда) значительные преимущества, позволяя использовать огромные сухопутные ресурсы для экспансии к окраинам Евразии и создания флота.

В 1942 году Николас Спайкмен в своей работе «Американская стратегия в мировой политике» (Spykman, 1942) выдвинул теорию Римленда (прибрежной зоны), утверждая, что периферийные регионы Евразии (Западная Европа и Восточная Азия) имеют большее стратегическое значение, чем центральная «сердцевина» (Хартленд) и являются ключом к мировому господству. Тот факт, что основные сражения обеих мировых войн происходили именно в этих прибрежных

зонах Евразии, в определенной степени подтверждает обоснованность теории Спайкмена.

С окончанием холодной войны bipolarная система США–СССР прекратила свое существование. Геополитика также выдвинула новые теоретические требования в связи с изменениями объективной международной обстановки. На фоне подъема экономической глобализации и региональной экономической интеграции традиционные геополитические теории, ориентированные на власть, столкнулись с проблемой недостаточной объяснительной способности. В этом контексте возник ряд новых геополитических теорий. От традиционного акцента на борьбе за политическую власть к соперничеству в экономической, культурной, сетевой и космической сферах.

В 1990 г. Эдвард Н. Люттвак опубликовал в журнале «Национальный интерес» статью «От геополитики к геоэкономике: логика конфликта, правила торговли», в которой впервые предложил концепцию «геоэкономики» (Luttwak, 1990). Он утверждал, что геоэкономика в основном подразумевает понимание и управление межгосударственными отношениями с точки зрения экономических связей; что в новую эпоху конфликты между государствами в основном проявляются в столкновении экономических интересов, и подчеркивал использование экономической конкуренции и сотрудничества для обеспечения сохранения статуса США как сверхдержавы. По сравнению с геополитикой, основанной на политических и военных целях власти, геоэкономике можно понимать как стремление к экономическим целям власти и достиже-

² Anderson Alan M.. (2017, December). Mahan's interference in U.S. policy. U.S. Naval Institute. URL: <https://www.usni.org/magazines/naval-history-magazine/2017/december/mahans-interference-us-policy> (accessed 09.07.2025)

нию относительных преимуществ в экономической сфере. В 1993 году Сэмюэл Хантингтон предложил теорию столкновения цивилизаций (Huntington, 1993). Он утверждал, что основными факторами, формирующими будущую международную политику, будут культура и цивилизация, а не другие элементы. Скрытый смысл уникального и пессимистичного утверждения Хантингтона заключался в акценте на культурной власти и необходимости победы в конфликтах цивилизационной сферы. Теории сетевого и космического господства как новые ветви теоретического развития подчеркивают борьбу за доминирование в виртуальном киберпространстве и космической сфере.

Таким образом, после холодной войны геополитические теории, критически унаследовав традиционные концепции, приобрели новые характеристики, что в определенной степени компенсировало некоторые недостатки традиционной геополитической теории, обогатило ее содержание и расширило исследовательские горизонты. Однако по своей сути эти теории сохраняют явные признаки ориентации на власть, лишь смещая фокус на «мягкие» сферы, такие как экономика, культура и дискурсивное влияние.

Западные геополитические теории, развиваясь через критическое осмысление традиционных концепций, сохраняют в своей основе явную ориентацию на силовую политику. Анализ этих теорий выявил три принципиальных ограничения, которые затрудняют объяснение практики китайской периферийной дипломатии:

Во-первых, западные теории имеют фундаментальные ограничения в понимании национальных интересов. Все теории – от концепции морского могущества Мэхэна до теории «Хартленда» Маккиндера – по сути, служили инструментами сохранения гегемонии отдельных держав. Например, теория Мэхэна оказала глубокое влияние на разработку программ развития военно-морских сил США. С этими идеями резко контрастирует выдвинутая Китаем концепция периферийной дипломатии «цинъ чэн хуй жун», которая создала новую парадигму. Практическое применение этой концепции ярко проявилось в Центральной Азии. На первом саммите «Китай – Центральная Азия» в мае 2023 г. Си Цзиньпин выступил с программной речью и выдвинул «предложения из восьми пунктов» по сотрудничеству Китая со странами Центральной Азии, в частности, о предоставлении Китаем странам Центральной Азии финансовой поддержки и безвозмездной помощи в размере 26 млрд юаней. Он также отметил необходимо поддерживать суверенитет, безопасность, независимость и территориальную целостность стран Центральной Азии, уважать путь развития, выбранный народами стран региона, поддерживать их усилия по установлению мира, гармонии и спокойствия³. Эти практики демонстрируют, что Китай продвигает в Центральной Азии модель сотрудничества, ориентированную на общее развитие и уважающую самостоятельные пути развития различных стран. Его философия невмешательства и приоритета развития открывает новые теоретические

³ Xi Jinping. (2023, May 9). Xi Jinping's keynote speech at the China-Central Asia Summit (full text). People.cn. URL: <https://app.people.cn/h5/detail/normal/5287360551207936> (accessed 09.07.2025) (In Chinese)

перспективы для понимания современных международных отношений.

Во-вторых, логика игры с нулевой суммой не способна объяснить китайскую практику сотрудничества. Традиционная геополитика абсолютизирует проблему ограниченности ресурсов. Однако в рамках инициативы «Пояс и путь» к концу 2024 г. китайско-европейские железнодорожные перевозки связали 227 городов в 25 странах Европы и более 100 городов в 11 азиатских странах, общей стоимостью более 420 миллиардов долларов США, что создало мощный импульс для регионального развития⁴. Как заявил министр иностранных дел и внешней торговли Венгрии Петер Сийярто: «Мы всегда считали, что сотрудничество с Китаем – это возможность для Венгрии». Он добавил, что Венгрия выступает против разделения и рассмотрения Китая как угрозы и всегда считала, что «рассмотрение Китая как угрозы приведет только к упущенным возможностям; отношение к Китаю как к партнеру является правильным выбором»⁵ (Li Zhiyong, 2018).

Во-третьих, западные теории не могут объяснить китайское переосмысление самой природы власти. Американский ученый Джон Миршаймер в книге «Трагедия политики великих держав» утверждает, что «великие державы обречены бороться за гегемонию» (Mearsheimer, 2021).

Однако практика Китая в рамках «сообщества единой судьбы человечества» демонстрирует иной подход: за 20 лет торговый оборот между Китаем и АСЕАН стремительно вырос – с 876,38 млрд юаней в 2004 году до 6,41 трлн юаней в 2023 г., со среднегодовым ростом на 11%. Доля в общем объеме внешней торговли Китая увеличилась с 9,2% в 2004 г. до 15,4% в 2023 г. Такая модель «общей безопасности» переписывает традиционную геополитическую логику⁶.

Эти теоретические дилеммы раскрывают фундаментальную проблему: для подлинного понимания китайской периферийной дипломатии необходимо создать новую аналитическую парадигму – перейти от вопроса «кто что контролирует» к исследованию «как совместно создавать ценности». Это требует выхода за рамки традиционного геополитического нарратива о власти и перехода к построению новой теории международных отношений, основанной на мирном развитии.

Предыстория китайской периферийной дипломатии

На данный момент Китай граничит по суше с 14 странами и по морю с восемью странами. Среди этих соседних стран Россия, Япония, Индия и АСЕАН относятся к влиятельным мировым державам,

⁴ Liu Li. (2024, December 11). China-Europe Railway Express connects 227 cities in 25 European countries and over 100 cities in 11 Asian countries, with more than 11 million TEUs of goods sent and a total cargo value exceeding \$420 billion. Spanning mountains and seas, the "iron camel caravan" is injecting new momentum into the world economy ("Belt and Road Initiative" · First-hand report). China-Europe Railway Express boosts world economy. People's Daily Online – People's Daily. URL: https://news.shm.com.cn/2024-12/11/content_5419793.htm (accessed 09.07.2025) (In Chinese)

⁵ Han Shuo & Liu Zhonghua. (2024, May 22). @Cooperation with China is an opportunity for Hungary@ – Interview with Hungarian Minister of Foreign Affairs and Foreign Trade. People.cn. URL: <https://www.peopleapp.com/column/30044972023-50000542144> (In Chinese)

⁶ Li Xiaoyu. (2024, September 20). China-ASEAN trade has grown by 11% annually over the past 20 years. Ministry of Commerce of the People's Republic of China. URL: <http://chinawto.mofcom.gov.cn/article/e/r/202409/20240903537019.shtml> (accessed 09.07.2025) (In Chinese)

при этом четыре ядерные державы также находятся вблизи Китая (Россия, Индия, Пакистан, КНДР). Стратегическое соперничество между великими державами – Китаем и США, Китаем и Японией, Китаем и Индией, Россией и США, Японией и Россией – является сложным и долгосрочным, определяя основные тенденции международной структуры после Второй мировой войны. Три горячие точки – Корейский полуостров, Южноазиатский субконтинент и Центральная Азия – расположены вокруг Китая, а также сохраняется нерешенная внутренняя проблема Тайваня, что стратегически делает Китай уязвимым для ситуации «окруженного со всех сторон» положения (Zhuang Hongtao, 2022). Кроме того, вблизи Китая распространены три основные религии (буддизм, православие, ислам), а среди соседних стран Центральной Азии, Западной Азии, Южной Азии и Юго-Восточной Азии существуют сложные межэтнические и межрелигиозные противоречия. Некоторые из этих противоречий выходят за границы и влияют на международные отношения, например, «три силы зла» в Центральной Азии оказывают прямое влияние на безопасность и стабильность региона⁷.

Сложная региональная обстановка все больше подчеркивает значимость периферийной дипломатии. Важной задачей для китайской дипломатии становится создание более стабильной сети региональной дипломатии. С 2013 г. новое поколение лидеров централь-

ного правительства активно продвигает региональную дипломатию, осуществляя визиты в соседние страны. С 3 по 13 сентября 2013 г. Председатель КНР Си Цзиньпин посетил с государственным визитом четыре страны Центральной Азии, где принял участие в саммите G20 и Совете глав государств-членов ШОС. Во время пребывания в Университете Назарбаева в Казахстане Си Цзиньпин выступил с речью, предложив инициативу совместного строительства «Экономического пояса Шелкового пути», как дела, призванного принести благо народам всех проходящих по маршруту стран⁸. Затем, со 2 по 8 октября того же года, Председатель КНР Си Цзиньпин посетил с государственным визитом Индонезию и Малайзию, а также принял участие в 21-м неформальном саммите лидеров Азиатско-Тихоокеанского Экономического Сотрудничества (АТЭС) в Индонезии. Выступая в парламенте Индонезии, Си Цзиньпин предложил Китаю и странам АСЕАН укреплять морское сотрудничество, эффективно использовать Фонд морского сотрудничества Китая и АСЕАН, развивать партнерство в области океанической деятельности и совместно создавать «Морской Шелковый путь XXI века»⁹. С тех пор концепция «Пояса и пути» стала долгосрочной и масштабной национальной стратегией, учрежденной Центральным Комитетом КПК и Государственным Советом. На состоявшемся 24-25 октября семинаре по вопросам региональной дипломатии Си Цзиньпин подчеркнул необходимость

⁷ Zhao Huasheng. (2023, May 16). Where do security risks in changing Central Asia come from? Pengpai News. URL: https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_23102136 (accessed 09.07.2025) (In Chinese)

⁸ Xi Jinping. (2013, September 8). Xi Jinping's speech at Nazarbayev University. Ministry of Commerce of the People's Republic of China. URL: https://www.gov.cn/ldhd/2013-09/08/content_2483565.htm (accessed 09.07.2025) (In Chinese)

⁹ Xi Jinping. (2013, October 7). Xi Jinping's speech at the 21st APEC Economic Leaders' Meeting. Ministry of Commerce of the People's Republic of China. URL: https://www.gov.cn/ldhd/2013-10/07/content_2501620.htm (accessed 09.07.2025) (In Chinese)

еще более решительно продвигать региональную дипломатию, создавая благоприятную региональную среду для развития Китая, приносить больше пользы соседним странам и достигать общего развития. Эффективная работа в области региональной дипломатии является потребностью для достижения целей «двух столетий» и реализации китайской мечты о великом возрождении китайской нации¹⁰.

В условиях глобализации усиление комплексной взаимозависимости между Китаем и его соседями заставляет Китай пересмотреть свои отношения с ними. Ранее Китай придерживался дипломатической стратегии, в которой США были на первом месте, а отношения с соседними странами должны были уступать место китайско-американским отношениям. Теперь же отношения с соседними странами станут приоритетом китайской внешней политики. Ян Сюэтонг считает, что нельзя рассматривать эти изменения как простое увеличение активности в дипломатии; это, в действительности, изменение направления (Yan Xuetong, 2013) Прошлое Китая характеризовалось неприсоединением ко многим международным вопросам, ограничиваясь лишь экономическим сотрудничеством с другими странами без обсуждения дипломатических проблем. Сейчас же экономические и вопросы безопасности имеют равное значение, причем последним может быть уделено даже большее внимание.

Идеология китайской периферийной дипломатии

В октябре 2013 г. на рабочем совещании по дипломатии с соседними странами была предложена концепция периферийной дипломатии «цинъ, чэн, хуэй, жун» (亲诚惠容, добрососедство, искренность, взаимная выгода и инклюзивность). Данная концепция ознаменовала вступление отношений Китая с соседними странами «в новую эпоху», обозначив переход периферийной дипломатии Китая от экономической взаимной выгоды к всестороннему сотрудничеству. Особо следует подчеркнуть, что концепция «цинъ, чэн, хуэй, жун» уходит корнями в традиции китайской культуры. Как отметил Цзян Инъ: «Не следует игнорировать исторические и культурные факторы, стоящие за выбором внешнеполитического курса, поскольку именно идеи, укоренившиеся в истории и культуре, а не системная структура, влияют на стратегические предпочтения акторов» (см. отсылку к концепции: Johnston, 1955). Этот тезис получил дальнейшее подтверждение 28 октября 2024 г. на 17-м коллективном изучении Политбюро ЦК КПК, где было подчеркнуто, что необходимо «глубоко исследовать и раскрывать духовное содержание превосходных традиций китайской культуры, активировать их превосходные элементы с помощью марксизма и придать им новое значение в современную эпоху»¹¹. Это важное положение предоставляет

¹⁰ Xi Jinping. (2013, October 26). Xi Jinping delivered an important speech at the symposium on Peripheral Diplomacy, emphasizing the need to strive for a favorable neighboring environment for my country's development. People.cn. URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2013/1026/c64094-23333683.html> (accessed 09.07.2025) (In Chinese)

¹¹ Li Yingying. (2024, October 28). Xi Jinping emphasized at the 17th collective study session of the Political Bureau of the CPC Central Committee that we should anchor the strategic goal of building a culturally strong nation and continuously develop socialist culture with Chinese characteristics in the new era. Global Times. URL: <https://china.huanqiu.com/article/4K1jJ0Kpd0T> (accessed 09.07.2025) (In Chinese)

фундаментальные ориентиры для понимания культурных истоков китайской концепции периферийной дипломатии.

«Добрососедство» (亲, цинь) отражает чувство близости и дружественных отношений между Китаем и его соседними странами, под которым подразумеваются принцип дружбы с соседями, доверие и гармония (Liu Qing, 2025). В отличие от современного «мирского» сознания, ранний Китай использовал слово «все под небом» (天下, тьянь ся) как перспективу для понимания всего человеческого сообщества. Люди живут «под небом». Под небом существуют различные государства разного размера, и способы и степень взаимодействия и обмена между ними определяют, насколько гармонично и стабильно будет «все под небом». Чтобы достичь гармоничного и стабильного порядка «под небом», ранние китайские политические и культурные элиты обобщили и сформулировали опыт взаимодействия между государствами. Например, в самом раннем китайском политическом трактате «Книга истории» (尚书, «Шан Шу») демонстрируются мудрость и опыт гармоничного взаимодействия соседних государств¹². «Книга истории·Раздел Яо» (尚书·尧典, «Шан Шу·Яо Дянь») предлагает «гармонизировать десять тысяч соседних стран» (协和万邦, се хэ вань бан), подчеркивая гармоничное сосуществование всех под небом; «Книга истории·Приказ Цай Чжун» (尚书·蔡仲之命, «Шан Шу·цай чжун чжи мин») подчеркивает «мир с твоими четырьмя соседями» (睦乃四邻, му най сы линь), придавая большое значение

гармоничным отношениям с соседними государствами. Все это отражает стремление раннего китайского общества к гармонии и мирному сосуществованию. На основе литературных источников, выражение «доверять и поддерживать дружеские отношения между людьми» (讲信修睦, цзян синь сю му) происходит из «Ли Цзэ·Ли Юнь» (《礼记·礼运》), где говорится: «Когда великий путь реализуется, все под небом становится общим; выбирают достойных и способных, говорят о доверии и поддерживают мир». (大道之行也, 天下为公; 选贤与能, 讲信修睦, да дао чжи син е, тьянь ся вэй гун; сюань сянь юй нэн, цзян синь сю му) Это означает, что между людьми и государствами следует придерживаться доверия, взаимопонимания и стремиться к миру. «Доброе отношение с соседями» (亲仁善邻, синь жэнь шань линь) происходит из более раннего «Цзо чжуань» (《左传》), где говорится: «Быть близким к соседям, добро относится к соседям – это сокровище страны» (亲仁善邻, 国之宝也, цинь жэнь шань линь, го чжи бао е). Оригинальный смысл заключается в том, что государство должно стремиться к дружбе и близости с соседними странами и придерживаться пути добрых отношений. Принципы «доверять и поддерживать дружеские отношения между людьми, сохранение добрых отношений с соседом» (讲信修睦, 与邻为善, цзян синь сю му, юй линь вэй шань) отражают подход к сотрудничеству и дружбе в китайской традиционной культуре, который включает «искренность», «гармонию», «добро к людям» и «мир и культуру».

¹² Diao Daming. (2023, July 17). Promoting trust and good neighborliness. Guangming Daily. URL: https://epaper.gmw.cn/gmrb/html/2023-07/17/nw.D110000gmrb_20230717_1-02.htm (accessed 09.07.2025) (In Chinese)

¹³ Zhu Cheng. (2024). The way of promoting trust and good neighborliness. Dazhong Daily. URL: <https://www.aisixiang.com/data/154243.html> (accessed 09.07.2025) (In Chinese)

Они демонстрируют стремление китайского народа к идеалу всеобщего мира и гармонии среди всех государств¹³. Как отметил Си Цзиньпин: «Независимо от географического положения, природных условий или взаимоотношений, соседние страны имеют исключительно важное стратегическое значение для Китая». Слово «исключительно» подчеркивает важность соседних стран для Китая (Li Zhiyong, 2018). Об этом изменении можно судить уже по уровню проведения Совещания по работе в области дипломатии с сопредельными странами в октябре 2013 г. Это стало совещанием высшего уровня в сфере дипломатической работы Китая с момента основания КНР в 1949 г.

Искренность (诚信, чэн синь) всегда была одним из самых ценных качеств китайцев с древних времен, и вместе с гуманностью, справедливостью, благопристойностью и мудростью, входят в «пять конфуцианских добродетелей» (五德, у дэ), являясь этическим критерием для оценки личности. Конфуцианство подчеркивает важность честности в установлении и поддержании человеческих отношений, «быть верным слову, держать слово» (言而有信, янь эр ю синь). Однако доверие и верность не только отражают внутреннюю культуру китайского народа и способствуют поддержанию человеческих отношений. В эпоху до империи, представитель легизма Гуань-цзы впервые использовал словосочетание «искренность» и сказал «Люди в мире охотно дружат с теми, кто честен» (诚信者, 天下之结也, чэн синь чжэ, тянь ся чжи цзе е), считая, что они могут объединить людей и привести к единству мира. Позднее, Хань Фэй-цзы выдвинул идею: «Если кому-то можно

доверять в малом, то ему можно доверять и в большом (小信诚则大信立, сяо синь чэн цзэ да синь ли)». С точки зрения управления считается, что если страна может уделять внимание честности в малых делах, то она сможет завоевать доверие в больших вопросах¹⁴. Все это указывает на то, что в традиционной китайской политической мысли «искренность» рассматривается как центральная этическая норма управления, являясь ключевым элементом отличного лидерства. На современной международной арене, обещания и действия великих держав должны быть согласованы, чтобы создать долгосрочную стратегическую репутацию. Включение принципа «искренности» в число четырех основных направлений политики добрососедского сотрудничества отражает переход Китая от дипломатии слабого государства к дипломатии сильной державы, демонстрируя решимость активно участвовать в реформировании и совершенствовании глобальной системы управления. В официальных документах Китая после окончания «холодной войны» термин «дипломатия великих держав» относился к взаимодействию с такими странами, как США, Россия, Япония, Германия, Франция и Великобритания. Однако после выступления министра иностранных дел Китая Ван И в июне 2013 г. «По пути дипломатии великой державы с китайской спецификой», значение этого понятия претерпело значительные изменения. Теперь «великая держава» относится не к странам-партнерам, а к самому Китаю (Yang Jiemian, 2023).

«Взаимная выгода» (惠, хуэй) подразумевает оказание экономической помощи развивающимся странам. Си Цзиньпин

¹⁴ Gu Zuoyi & Zhong Yongning. (2019, March 4). The Eternal Virtue of «Trust»: How Ancient People Upheld «Honesty». Pengpai News. URL: https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_3071854 (accessed 09.07.2025) (In Chinese)

отметил: «Нужно, чтобы соседние страны извлекали выгоду из нашего развития, необходимо предоставлять развивающимся странам посильную помощь»¹⁵. Конфуцианство подчеркивает «единство справедливости и выгоды» (义利统一, и ли тун и), утверждая, что в погоне за прибылью следует руководствоваться моральными принципами. Концепция «взаимной выгоды» согласуется с конфуцианским взглядом на «справедливость и выгоду» (义利, и ли). В отношениях с соседними странами Китай стремится не только к собственной выгоде, но и учитывает интересы соседних государств, достигая взаимовыгодного сотрудничества. Конфуций говорил: «Для джентльмена праведность – высшая добродетель» (君子义以为上, цзюнь цзы и и вэй шан), но при этом не отрицал выгоду, а призывал «думать о справедливости при виде выгоды» (见利思义, цзянь ли сы и). В дипломатии с соседними странами Китай воплощает «справедливость» (义, и) в помощи их развитию в качестве ответственности крупной державы, и «выгоду» (利, ли) – в совместном развитии и достижении общих интересов. Даосизм проповедует «альтруизм» (利他, ли та), считая, что «чем больше отдаешь другим, тем больше приобретаешь сам» (既以与人, 己愈多, цзи и юй жэнь цзи юй до). Это означает, что в процессе помощи другим можно получить еще больше. Принцип «взаимной выгоды» во внешней политике Китая отражает эту даосическую идею: оказывая поддержку соседним странам, Китай способствует стабильности и развитию региона, что

в итоге создает благоприятную внешнюю среду для Китая.

Китайско-казахская логистическая база в порту Ляньюньган и Хоргосский международный приграничный центр сотрудничества являются ярким примером взаимовыгодного партнерства. Будучи страной, не имеющей выхода к морю, Казахстан долгое время сталкивался с проблемой ограниченного доступа к морским портам. Китай, инвестируя в строительство этого современного логистического узла, предоставил Казахстану стабильный морской коридор, что позволило удобно экспортировать минеральные ресурсы и сельхозпродукцию на мировые рынки. В свою очередь открытость Казахстана создала китайским предприятиям ворота для выхода на рынки Центральной Азии, способствуя развитию двусторонней торговли и инвестиций. В 2023 г. товарооборот между Китаем и Казахстаном превысил 41 миллиард долларов США¹⁶. Это сотрудничество не только повысило международную торговую способность Казахстана, но и стимулировало открытое развитие западных регионов Китая, достигнув обоюдной выгоды.

«Инклюзивность» (容, жун) означает приверженность принципам взаимоважания, взаимного обмена и поиска общего при сохранении различий. Как отмечал Си Цзиньпин, необходимо продвигать идеи инклюзивности, подчеркивая, что Азиатско-Тихоокеанский регион достаточно велик, чтобы вместить общее развитие всех стран, и содействовать региональному сотрудничеству с еще более

¹⁵ Xi Jinping. (2023, November 16). Working Together to Meet Challenges and Write a New Chapter for Asia-Pacific Cooperation – Written Speech at the APEC CEO Summit. URL: https://www.gov.cn/gongbao/2023/issue_10846/202311/content_6917324.html (accessed 09.07.2025) (In Chinese)

¹⁶ Li Xiaoyu. (2024, July 4). (Economic Observation) Deepening economic and trade cooperation will boost China-Kazakhstan's new «Golden Thirty Years.». China News Network. URL: https://news.cnr.cn/native/gd/20240704/t20240704_526778380.shtml (accessed 09.07.2025) (In Chinese)

открытым сердцем и активной позицией. Выражение «океан вмещает сотню рек, и широкая душа вмещает многое» (海纳百川, 有容乃大, хай на бай чуань, ю жоу най да) отражает способность океана объединять множество потоков. Эта идея вдохновляет людей на широту взглядов и умение принимать многообразие (Lu Guangsheng, Xu Liping, 2015). В дипломатии с сопредельными странами «инклюзивность» отражает открытость Китая в отношениях с соседними странами, использование ресурсов и опыта всех сторон, а также его готовность поделиться с соседними странами собственными возможностями для развития, чтобы совместно создать открытую и полноценную среду для регионального сотрудничества. Слово «гармония» (和合, хэ хэ) может лучше выразить духовный смысл слова «инклюзивность». «Находиться в согласии, имея разные взгляды» (和而不同, хэ эр бу тун) – принцип направлен на поиск взаимозависимости и развития на основе признания различий и разногласий (Zhou Xiaowen, Luo Zhenglin, 2025). Эта концепция подчеркивает взаимодействие с другими странами мирным и дружественным образом, уважение независимости и суверенитета всех стран и нацелена на установление мирных и стабильных отношений с соседними странами в рамках добрососедской дипломатии, удовлетворение потребностей всех стран в развитии, достижение общего развития и процветания посредством сотрудничества и содействие построению сообщества единой судьбы сопредельных стран.

Концепция китайской периферийной дипломатии «цинь, чэн, хуэй, жун» («доброжелательность, искренность, взаимовыгодность и инклюзивность»), выдвинутая Си Цзиньпином, служит духовным ориентиром для построения добрососедских партнерских отношений с сопредельными странами.

Начав политику реформ и открытости, Китай постепенно усиливал свою национальную мощь и экономический потенциал. Однако быстрый рост Китая также выявил ряд проблем: изменилось отношение соседних стран к Китаю, участились экономические трения, территориальные споры и другие противоречия под влиянием множества факторов (Li Liwen, Jin Yucan, 2024). В ответ на эту ситуацию китайская политика в отношении соседей была своевременно скорректирована. Была предложена концепция периферийной дипломатии «цинь, чэн, хуэй, жун», которая стала духовным ориентиром для работы с соседними странами. Взаимодействие с соседями было поднято на приоритетный уровень всей китайской дипломатии, что подчеркивает ее исключительную важность (Li Xing, 2023). Примечательно, что на рабочем совещании по периферийной дипломатии Си Цзиньпин не только подчеркнул необходимость придерживаться принципов «цинь, чэн, хуэй, жун», но и предложил «укоренить сознание сообщества единой судьбы в соседних странах». В октябре 2013 г., во время визита в страны АСЕАН Си Цзиньпин выдвинул инициативу «Строительства морского шелкового пути XXI века», а в сентябре того же года, посещая Центральную Азию, предложил создание «Экономического пояса шелкового пути», что в совокупности составило инициативу «Пояса и пути».

Итак, китайская стратегия в отношении соседних стран основывается на принципах «цинь, чэн, хуэй, жун», а ключевым путем ее реализации является строительство сообщества единой судьбы с соседними государствами. Инициатива «пояс и путь», выступая в качестве основного политического инструмента, предоставляет конкретную практическую основу для достижения этой цели.

Основные концепции китайской периферийной дипломатии

В ноябре 2015 г. в своей речи в Национальном университете Сингапура Си Цзиньпин подчеркнул: «Китай неизменно ставит отношения с сопредельными странами на первое место во внешнеполитической стратегии, рассматривая содействие миру, стабильности и развитию в регионе как свою ответственность. Продвижение более справедливой и рациональной системы глобального управления, демократизации международных отношений, установление нового типа международных отношений, основанных на взаимовыгодном сотрудничестве, и строительство сообщества единой судьбы человечества — все это Китай начинает с соседних стран»¹⁷. Впоследствии общественные круги единодушно признали важность сообщества единой судьбы сопредельных стран для строительства сообщества единой судьбы человечества. В будущей внешнеполитической архитектуре Китая строительство сообщества единой судьбы человечества начнется с соседних стран¹⁸.

Плоды стремительного развития Китая в первую очередь приносят пользу соседним странам. Строительство сообщества единой судьбы человечества закономерно начинается именно с соседних государств — это естественный и логичный процесс (Wang Junsheng, 2016). В академических кругах существует консен-

сус относительно взаимосвязи этих двух концепций: сообщество единой судьбы сопредельных стран рассматривается как отправная точка и обязательный этап на пути построения сообщества единой судьбы человечества, тогда как последнее служит непосредственной идейной основой для первого. Концепция «сообщества единой судьбы человечества» была включена в преамбулу Конституции КНР во время XIX съезда КПК, став широко используемым понятием во внешнеполитическом курсе Китая.

Относительно происхождения концепции «сообщества единой судьбы» среди китайских ученых существуют различные мнения. Ряд исследователей считает, что данная концепция является развитием «Пяти принципов мирного сосуществования»², впервые предложенных премьером Чжоу Эньлаем в 1953 г. в качестве руководящих принципов внешних отношений Китая. Эти принципы включают: 1) взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности, 2) ненападение, 3) невмешательство во внутренние дела, 4) равенство и взаимная выгода, 5) мирное сосуществование¹⁹. Концепция «Сообщества единой судьбы человечества» расширяет эти принципы до более масштабной глобальной управленческой перспективы. Она призывает все страны, независимо от их размера и мощи, совместно противостоять общим вызовам: глобальным угрозам, экономическому неравенству, изменению климата

¹⁷ Xi Jinping. (2015, November 7). Xi Jinping's full speech at the National University of Singapore. Xinhuanet. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2015-11/07/c_1117071978.htm (accessed 09.07.2025) (In Chinese)

¹⁸ Wang Fan. (2025, April 21). Building a community with a shared future for neighboring countries and jointly creating a new future for Asia. People's Daily. URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2025/0421/c40531-40464402.html> (accessed 09.07.2025) (In Chinese)

¹⁹ Wang Yizhi. (2024, July 14). From Five Principles of Peaceful Coexistence to the community of shared future. OSTHEORY.CN. URL: http://www.qstheory.cn/dukan/hqwg/2024-07/14/c_1130179400.htm (accessed 09.07.2025) (In Chinese)

и проблемам развития (Li Dan, 2025). По своей сути Пять принципов обеспечивают мирный характер международных отношений, тогда как «Сообщество единой судьбы человечества» предлагает более широкую рамку для глобального сотрудничества.

Другие китайские ученые рассматривают эту концепцию как продолжение традиционной дипломатической философии Китая, находящейся в полном соответствии с духом выдающейся традиционной культуры, где центральное место занимает принцип «гармонии» (和, хэ). Концепция «сообщества единой судьбы человечества» не только унаследовала квинтэссенцию традиционной китайской культуры, включая такие идеи, как «Идея сообщества единой судьбы человечества» essence традиционной китайской культуры, включая такие концепции, как «гармоничное сосуществование» (和合共生, хэ хэ гун шэн), «Поднебесная есть всеобщее достояние» (天下为公, тянь ся вэй гун), «океан вмещает сотню рек» (海纳百川, хай на бай чуань) и «единство Неба и человека» (天人合一, тянь жэнь хэ и), но и органично интегрировала их в построение нового типа международных отношений, осуществив творческую трансформацию и инновационное развитие превосходных традиций китайской культуры (Chen Hongjuan, Wu Di, 2024).

Некоторые ученые также полагают, что выдвинутая Коммунистической партией Китая концепция сообщества единой судьбы человечества представляет собой творческое переосмысление и развитие идей социалистического общества Маркса и Энгельса, наследует идеи

нескольких поколений китайских коммунистов и является важным достижением теоретической системы социализма с китайской спецификой. Истоки этой концепции можно проследить вплоть до ранних представлений о сообществе в истории человеческой мысли – от «городского сообщества» Платона и Аристотеля и «правового сообщества» Цицерона до «политического сообщества» Руссо, «ассоциативного сообщества» Локка и «нравственного сообщества» Гегеля²⁰.

Несмотря на некоторые расхождения в трактовках происхождения данной концепции, большинство китайских ученых сходятся во мнении, что она представляет собой значительный прогресс во внешней политике Китая (Ali, Zhu, 2012). Взгляды таких ученых, как Чжоу Фаньинь, являются весьма показательными. Они считают, что сообщество единой судьбы человечества предлагается Китаем в качестве альтернативы западному доминированию в международном порядке, который делает акцент на односторонних действиях и вмешательстве (Zhou Fangyin, 2024).

Концепция сообщества единой судьбы человечества (СЕСЧ) имеет глобальную направленность, охватывая страны с различными цивилизациями, политическими системами и уровнями развития, и ставит своей целью построение нового порядка глобального управления. Будучи развитием «Пяти принципов мирного сосуществования», эта концепция, несомненно, представляет собой важную новую главу в теоретическом обосновании внешней политики Китая. Сообщество единой судьбы в периферийных регионах (СЕСПР) является практическим

²⁰ Zhao Kejin. (2017, August 18). The rich connotation and theoretical value of the community of shared future. People.cn. URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2017/0818/c83859-29478871.html> (accessed 09.07.2025) (In Chinese)

воплощением данной концепции на региональном уровне, сосредоточенном на сотрудничестве с приграничными государствами (такими как страны АСЕАН, Центральной Азии, Восточной Азии и др.) и подчеркивающим особенности географической близости, культурной общности и взаимопереплетения интересов.

В настоящее время Китай последовательно продвигает строительство СЕСПР: китайско-пакистанское сообщество судьбы стало «образцом построения СЕСПР»; Китай и Лаос «совместными усилиями создают нерушимое сообщество единой судьбы»; Китай и Центральная Азия «в условиях беспрецедентных изменений столетия, с взглядом на будущее народов стран региона, шесть государств решили сообща построить еще более тесное сообщество единой судьбы Китая и Центральной Азии»²¹.

Концепция СЕСЧ находится в полном соответствии с принципами периферийной дипломатии «цинъ, чэн, хуэй, жун», став практическим действием по углублению взаимовыгодного сотрудничества Китая с соседними странами. СЕСЧ как концепция и руководящий принцип внешней политики Китая также получил широкое признание. При этом некоторые зарубежные исследователи рассматривают СЕСЧ как руководящий принцип, играющий исключительно важную роль во внешней политике Китая и глобальном миропорядке в целом. Так, Барри Бузан и Джордж Лоусон утверждают, что данная концепция является частью широкой стратегии Китая по содействию формированию

многополярного мира с более равномерным распределением власти между ведущими державами (Buzan, Lawson, 2015). Аналогично, Надеж Роллан воспринимает сообщество единой судьбы как видение глобального управления, в рамках которого Китай стремится трансформировать мировой порядок, отходя от западной либеральной системы²².

Барриос и Риос утверждали в отчете Конгресса, что СЕСЧ является привлекательной основой для стран Латинской Америки, ищущих альтернативы западным моделям развития. Однако они также отмечают, что экономическое участие Китая через СЕСЧ и инициативу «Пояс и путь» (далее ИППП), часто приводит к ухудшению состояния окружающей среды и эксплуатации ресурсов в регионе (Barrios & Rios, 2023). Джудит Шапиро подчеркивает, что Китай стратегически использует дипломатию по изменению климата (СЕСЧ), чтобы утвердить себя в качестве лидера в глобальных усилиях по борьбе с изменением климата. Она отмечает значительные инициативы Китая по продвижению зеленой энергетики, особенно через ИППП, что соответствует целям СЕСЧ для устойчивого будущего (Li, Shapiro, 2020). Кроме того, Кишор Махбубани, известный ученый из Сингапура, поддерживает СЕСЧ за продвижение идеи о том, что каждая страна, независимо от размера или мощности, должна иметь равное право голоса в глобальном управлении. Он утверждает, что СЕСЧ является корректирующим фактором для глобального неравенства, укоренившегося в западных державах (Mahbubani, 2020).

²¹ Deng Hao. Xi Jinping Thought on Diplomacy and China's Diplomacy in the New Era. (2023, June 13). The value and practice of building a China-Central Asia community. URL: http://cn.chinadiplomacy.org.cn/2023-06/13/content_87321577.shtml (accessed 09.07.2025) (In Chinese)

²² Rolland N. (2020, January 27). The National Bureau of Asian Research. China's vision for a new world order. URL: <https://www.nbr.org/publication/chinas-vision-for-a-new-world-order/> (accessed 09.07.2025)

Дебора Бротигам также признает, что, несмотря на опасения по поводу задолженности, СЕСЧ и ИППП способствовали значительному развитию инфраструктуры в Африке, устраняя давние пробелы в системах транспорта, энергетики и связи (Brautigam, 2019). Африканские ученые положительно оценивают эти инициативы, поскольку они вносят вклад в общую стратегию развития континента (Chiyemura, Gambino, Zajontz, 2023). Как отмечают исследователи во главе с Ван Ивэем, эта концепция стимулирует совместное экономическое развитие и взаимосвязанность, особенно между Китаем и развивающимися странами, содействуя взаимовыгодному сотрудничеству и общему процветанию через инфраструктурное строительство и торговлю (Shahriar, 2019).

Аналогичным образом, такие ученые как Цинь Яцин подчеркивают роль сообщества единой судьбы человечества в формировании глобального мирного порядка. По его мнению, данная концепция способствует созданию более безопасной международной среды через развитие взаимного доверия и диалога, а не конфронтации, что соответствует общей цели мирного возвышения Китая (Qin Yaqing, 2020). Сообщество единой судьбы становится основой для создания более безопасной и процветающей международной среды через экономическое взаимодействие, включая инициативу «Пояс и путь».

Однако исследователи-реалисты склонны довольно скептически относиться к тому, как эта концепция отражается во внешней политике и мировом порядке. Некоторые предполагают, что СЕСЧ является частью долгосрочной стратегии Китая по поддержанию мирной международной обстановки, благоприятствующей его развитию (Zhang Denghua, 2018). Неопределенность и гибкость концепции

позволяют Китаю адаптировать ее к различным контекстам, потенциально способствуя расширению своего влияния под знаменем общей судьбы. Этот тип реалистической интерпретации СЕСЧ как инструмента для гегемонистских устремлений критикуется многими учеными как предвзятый взгляд.

Дэвид Шамбо (Shambaugh, 2020) занял менее критическую и более умеренную позицию, утверждая, что СЕСЧ является частью усилий Китая по усилению своей мягкой силы и глобального имиджа, особенно в развивающихся странах, где Китай продвигает альтернативную модель развития. Для многих ученых это означает более справедливый международный порядок, благоприятствующий Китаю и другим странам Глобального Юга. Одна типичная точка зрения представляет СЕСЧ в качестве части более широкой стратегии Китая по перестройке многосторонних организаций, таких как Всемирная организация здравоохранения и Организация Объединенных Наций, где Китай стремится получить большее влияние и продвигать незападный подход к глобальному управлению.

* * *

Современная международная система переживает беспрецедентные за столетия перемены: центр глобальной силы стремительно смещается в Азиатско-Тихоокеанский регион, а традиционный западный миропорядок переживает глубокий раскол. Эта трансформация проявляется не только в перестройке геополитического ландшафта, но и в кардинальных изменениях моделей глобального управления.

В этом контексте внешняя политика Китая эволюционировала от стратегии «скрывать свои возможности и выжидать» («таогуан янхуэй») к курсу «активных действий» («фэньфа ювэй»).

Ее стратегическая логика трансформировалась от одномерной экономической к комплексной системе, объединяющей безопасность, развитие и цивилизационные аспекты. Эти изменения обусловлены структурным усилением национальной мощи Китая и отражают его активное реагирование на исторический тренд «подъема Востока и упадка Запада».

Трансформация периферийной дипломатии Китая в новую эпоху по сути является стратегическим репозиционированием в процессе возвышения государства. Ее суть заключается в балансе между «ростом мощи» и «принятием ответственности» через институциональные инновации и цивилизационный нарратив для преобразования регионального порядка. Этот процесс сталкивается со сложными вызовами великодержавного соперничества, но одновременно открывает исторические возможности для создания новых подходов к глобальному

управлению. Это не только неизбежный выбор национальной стратегии, но и важный полигон для перестройки моделей глобального управления.

Соседние страны стали первым практическим полем для реализации этой стратегии. Выдвинув концепцию «добрососедства, искренности, взаимной выгоды и инклюзивности» и такие инициативы как «Пояс и путь», Китай использует экономическое сотрудничество как связующее звено для достижения взаимовыгодных результатов с соседними странами. Это создает практические возможности для построения «сообщества единой судьбы в периферийном регионе» и преобразует экосистему регионального сотрудничества. Данная стратегическая корректировка не только демонстрирует активную роль Китая в международной системе, но и закладывает основу для прорыва в теории периферийной дипломатии с китайской спецификой.

Received: July 10, 2025

Accepted: September 17, 2025

DOI: 10.24833/2782-7062-2025-4-3-29-46

UDC: 327

International Politics / Research article

CHINA'S EXTERNAL PERIPHERY DIPLOMACY IN THE NEW ERA

Yu Yue, Postgraduate Student, Institute of China and Modern Asia
of the Russian Academy of Sciences.
32 Nakhimovsky Prospect, Moscow, Russia, 117218.
E-mail: luna.yu9988@gmail.com

Abstract: The article provides a comprehensive analysis of China's modern peripheral diplomacy in the new era, where the central guiding principle becomes the building of a "community with a shared future" and the concept of «qin, cheng, hui, rong» («amity, sincerity, mutual benefit, and inclusiveness») for peripheral diplomacy. The methodology of the study is based on a thorough examination of China's historical and cultural traditions, the analysis of official speeches and documents, as well as specific practices of cooperation within the framework of peripheral diplomacy. Particular attention is paid to the concept of «qin, cheng, hui, rong», which reflects China's traditional values of trust, harmony, and respect for neighbors. The analysis reveals that China's

peripheral diplomacy is based on a deep understanding of the importance of good-neighborliness, striving to strengthen strategic trust, and develop mutually beneficial economic projects, as well as ensuring inclusive cooperation. China emphasizes that the stability and prosperity of the entire region are impossible without harmonious relations with its neighbors, thereby contributing to integration and collective development. In conclusion, it is argued that the concept of a «community with a shared future» has become the foundation of China's peripheral diplomacy and ensures the sustainable, fair, and peaceful development of its surroundings.

Keywords: peripheral diplomacy, community of common destiny of humanity, community of common destiny of neighboring countries, Belt and Road Initiative, “amity, sincerity, mutual benefit, and inclusiveness” concept

Conflicts of interest: the author has no conflicts of interest to declare

Список литературы / References:

Ali, G. & Zhu, Z. (Ed.). (2012). China's new diplomacy: Rationale, strategies and significance. *Journal of Chinese Political Science*, 2(1), 445–446.

Brautigam, D. (2019). Chinese loans and African structural transformation. In *China-Africa and an Economic Transformation* (pp. 129–146). Oxford Scholarship Online. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198830504.003.0007>

Buzan, B. & Lawson, G. (2015). *The Global Transformation: History, modernity and the making of international relations*. University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139565073>

Chen Hongjuan & Wu Di. (2024). Development of the “harmony and integration” idea in Chinese culture under the community of shared future. *Journal of Beijing Administration Institute*, 6, 35–42. DOI:10.16365/j.cnki.11-4054/d.20241121.002. (In Chinese)

Chiyemura, F. & Gambino, E. & Zajontz, T. (2023). Infrastructure and the Politics of African State Agency: Shaping the belt and road initiative in East Africa. *Chinese Political Science Review*, 8(1), 105–131.

Huntington, S. P. (1993). The Clash of Civilizations? *Foreign Affairs*, 72(3), 22–49. <https://doi.org/10.2307/20045621>

Johnston, A. I. (1955). *Cultural Realism: Strategic culture and grand strategy in Chinese history*. Princeton, NJ: Princeton University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctvzxx9p0.1>

Li Dan. (2025). Origins, key points and implications of the narrative of a global community of shared future. *Journal of Shanghai Jiao Tong University* (Philosophy and Social Sciences Edition), 33(02), 1–13. DOI:10.13806/j.cnki.issn1008-7095.2025.02.001 (In Chinese)

Li Liwen & Jin Yucan. (2024). ASEAN's hedging strategies amid intensified US-China competition. *Peace and Development*, 6, 150–178, 183. (In Chinese)

Li Xing. (2023). Peripheral diplomacy and global governance from the perspective of China's major-power diplomacy. *People's Forum Academic Frontier*, 13, 72–77. DOI: 10.16619/j.cnki.rmltxsqy.2023.13.005 (In Chinese)

Li Y. & Shapiro, J. (2020). *China Goes Green: Coercive environmentalism for a troubled planet*. Cambridge: Polity Press.

Li Zhiyong. (2018). The Origins, Nature, and Challenges of China's “Striving for Progress” Diplomacy: From the Perspective of Autonomous Diplomacy Theory. *International Outlook*, 10(02), 70–90. DOI: 10.13851/j.cnki.gjzw.201802005 (In Chinese)

Liu Qing. (2025). Important concepts, characteristics and innovations of China's neighborhood diplomacy in the New Era. *Contemporary World*, 2, 8–15 (In Chinese)

Lu Guangsheng & Xu Liping. (2015). New concepts and practice of “amity, sincerity, mutual benefit and inclusiveness” in neighborhood diplomacy. *International Relations Studies*, 4, 49–58, 153–154. (In Chinese)

Luttwak, E. N. (1990). From geopolitics to geo-economics: Logic of conflict, grammar of commerce. *The National Interest*, 20, 17–23. <https://www.jstor.org/stable/42894676>

- Mackinder, H. J. (1904). The Geographical Pivot of History. *The Geographical Journal*, 23(4), 421–437. <https://doi.org/10.2307/1775498>
- Mahan, A. T. (1890). *The Influence of Sea Power upon History, 1660–1783*. Boston, MA: Little, Brown and Company.
- Mahbubani, K. (2020). *Has China won? The Chinese challenge to American primacy*. New York: PublicAffairs.
- Mearsheimer, J. (2021). *The tragedy of Great Power Politics*. Shanghai People's Publishing House. (In Chinese)
- Qin Yaqing. (2020). The ideological value and practical significance of the concept of a community with a shared future for mankind. *China Party and Government Cadres Forum*, 9, 6–11. DOI: 10.14117/j.cnki.cn11-3331/d.2020.09.001
- Shahriar, S. (2019). The Belt and Road Initiative: What will China offer the world in its rise? *Asian Journal of Political Science*, 27(1). DOI: 10.1080/02185377.2019.1594324
- Shambaugh, D. (2020). *China and the world*. Oxford: Oxford University Press. DOI: 10.1093/oso/9780190062316.001.0001
- Spykman, N. J. (1942). *America's strategy in world politics*. New York, NY: Harcourt, Brace and Company. DOI: 10.4324/9781315082431
- Wang Junsheng. (2016). Building a community of shared destiny with neighbors: Concept, connotation, and path. *International Relations Studies*, 6, 45–58, 151–152. (In Chinese)
- Yang Jiemian. (2023). Xi Jinping's diplomatic thought guides the construction of a new pattern of relations between major powers. *International Studies*, 5, 1–18. (In Chinese)
- Zhang Denghua. (2018). The concept of 'community of common destiny' in China's diplomacy: Meaning, motives and implications. *Asia & the Pacific Policy Studies*, 5(2), 196–207. DOI: 10.1002/app5.231
- Zhou Fangyin. (2024). New changes in the security situation in China's periphery and the construction of a community of shared future in the surrounding areas. *Contemporary World*, 3, 16–21. (In Chinese)
- Zhou Xiaowen & Luo Zhenglin. (2025). "Amity, sincerity, mutual benefit and inclusiveness" in international communication. *Future Communications*, 32(01), 15–25, 116–117. DOI: 10.13628/j.cnki.zjcmxb.2025.01.011 (In Chinese)
- Zhuang Hongtao. (2022). *Research on the construction of a community of shared future in China's neighborhood* [Unpublished doctoral dissertation]. Lanzhou University. DOI: 10.27204/d.cnki.glzhu.2022.000092 (In Chinese)